

ЭМИГРАЦИЯ

Мария РОЗАНОВА:

Комс. правда - 1999 -
13 янв. - с. 13**Солженицын полоснул****меня таким взглядом,
что я поняла -****это враг на всю жизнь**

В декабре передовая российская общественность широко отметила 80-летие Александра Исаевича Солженицына. Президент наградил орденом, от которого писатель отказался. В его честь прошли спектакли, фильмы и концерты, которые он посетил. Но отношение к фигуре писателя, привыкшему к классикам, не всегда и не всюду было таким, как в дни его чествования. Вдова писателя Андрея Синявского Мария Розанова, живущая во Франции, как и ее покойный муж, никогда не причисляла себя к поклонникам Солженицына...

- Как относилась к Солженицыну русская эмиграция?

- Эмиграция разных волн, - рассказывает Мария Васильевна, - относилась к нему по-разному. Почти все к Солженицыну были первая, белая волна, а его критики принадлежали к основному к третьей, брежневским временем, но все-таки их было очень мало.

Российский человек обожает кумиров - наверное, это остатки нашего язычества. Так что вокруг Александра Исаевича была создана эта такая «кумирня».

Но лично я невзлюбила его очень давно, еще в 1966 году, когда шел процесс Синявского - Даниэля и писательская общественность написала письмо в защиту Синявского. Это письмо подписали Окуджава, Эренбург и Чуковский. Каверин, Ахмадулина и Тарковский. Богуславская, Рассадин и Домбровский. И многие другие - 61 человек. Обратились и к Солженицыну. Александр Исаевич подписать письмо отказался. Не он единственный. Немало очень достойных людей его не подписали. И нет никаких претензий к человеку, который сказал: «Я всецело с вами, но я боюсь». Осуждать его нельзя: страх в нашей стране - достаточно понятное и простительное чувство.

Александр Исаевич выступил с такой формулировкой: негоже русскому писателю искать славы за границей. Он соединил поня-

тия ЛИТЕРАТУРА и СЛАВА. А для Синявского главное слово было не «слава» и даже не «литература», а ПРОЗА. А самое забавное, что к тому времени все рукописи Солженицына уже были за границей...

- И все-таки, человеку, создавшему «Архипелаг ГУЛАГ», нельзя отказать в смелости. Он же писал то, что явно могло его сгубить.

- Почему же? Солженицына узнали после его повести «Один день Ивана Денисовича», которая была напечатана в 62-м году, а над «Архипелагом» он начал работать, когда после этой публикации ему стали присыпывать письма и воспоминания бывшие лагерники - более 200 человек. Уже прошел XX съезд, уже разоблачен культ личности Сталина, так что это могло бы и пройти. К тому же первые два тома «Архипелага» очень четко ограничены сталинским временем, только конец третьего тома двумя маленькими главками захватывает проблемы хрущевского ГУЛАГа.

- На рубеже 80-х и 90-х годов в России был настоящий культ Солженицына. Все только и гадали, когда же он приедет. А он все не ехал. Сначала условием возвращения была квартира, потом - строительство дома, потом - всеобщее покаяние, а он все не ехал. Что происходило?

- Об этом мне говорить трудно. Тем более что наши дороги в какой-то момент пересеклись. В свое время я познакомилась с Наташей Светловой, теперь Натальей Дмитриевной, которая мне очень понравилась. Это была такая московская секс-бомба, матершинница страшная. Вдруг в какой-то момент она оказывается беременной, рожает, а среди моих друзей был доктор Любощицкий, лучший детский врач страны. Тогда он жил в Харькове, и всякий раз, когда он приезжал в Москву, я составляла список детей, которых надо ему показать. Я привела доктора к ее младенцу, и только тут узнала, что ребенок солженицынский.

И вдруг в комнату входит Ал-

ександр Исаевич, это была первая наша встреча, стреляет глазом туда-сюда, мгновенно оценивает ситуацию, видит меня в кресле, почти побегает и хватает за руку: «Что в лагере? Как там Андрей Донатович?» А я-то знаю о письме... И была это такая смесь лицемерия с фабрично-заводской самоцветностью, что мне стало на редкость противно, и я ответила, мол, кому это интересно, давайте лучше посмотрим, как доктор ребеночка выступает. Солженицын полоснул меня таким взглядом, что я поняла - заработала себе врага на всю жизнь.

Все это не помешало мне быть в некотором роде кормилицей двух его детей. У меня были наложенные связи во французском посольстве, откуда я получала молочные смеси сначала для своего младенца, а потом и для Натальиных. Помимо всего прочего мы с ним - кумовья, поскольку Наталья Солженицына и Андрей Синявский крестили ребенка Алика Гинзбурга. Тем забавнее война, которую объявил Александр Исаевич Андрею Донатовичу, приехав в эмиграцию.

- Что это за война?

- Все началось с того, что Синявский под псевдонимом Абрам Терц позволил себе назвать Россию сухой. Это было в одной достаточно трагической статье «Литературный процесс в России» - о бегстве русских писателей и рукописей за рубеж, опубликованной в первом номере журнала «Континент». Там была такая фраза: «Россия, мать, Россия, су-

ти, возникающие между людьми, ставшими вдруг изгоями на родине, превращались в раны.

Есть такое правило: количество добрых и злых слов о человеке прямо пропорционально его значимости. Александр Солженицын - знаковая фигура нашего века. Его имя - не только в истории русской литературы, его имя - в Истории. А история двадцатого столетия кровава и жестока. Диссидентство в СССР - явление противоречивое. Отношения между диссидентами - это отношения на грани. Жизнь, честь, свобода были под вопросом. И потому шероховато-

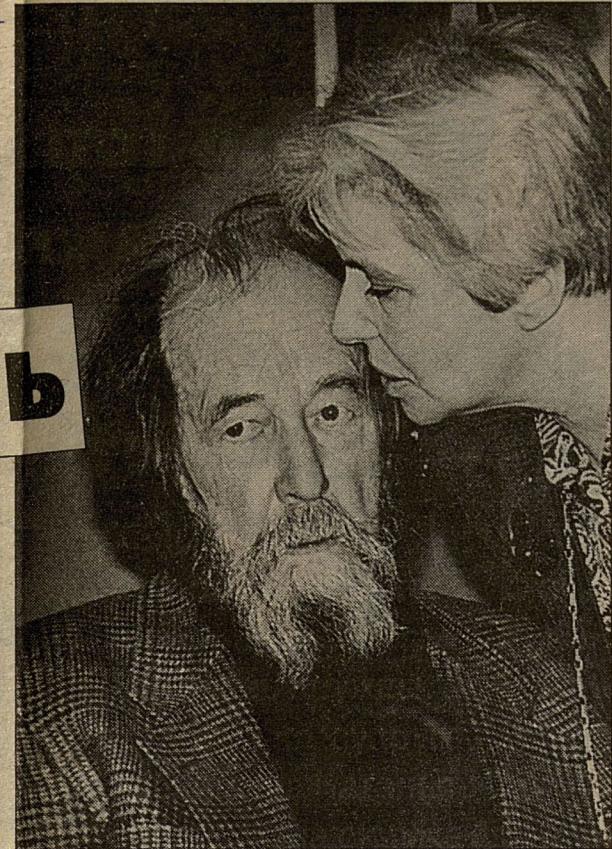

Фото Анатолия Жданова

**Жены писателей -
эмигрантов Синявского
и Солженицына всегда
были очень дружны.
Как относилась супруга
Солженицына Наталья
Дмитриевна (на снимке
справа) к Синявскому,
неизвестно.
А вот Мария Розанова
(на снимке слева)
без особого пиетета
говорит об
Александре Исаевиче**

ка, ты еще ответишь и за это, вскормленное тобою и выброшенное на помойку с позором дитя». И вот на двух пресс-конференциях по поводу выхода сборника «Из-под глыб» - в Цюрихе и в Москве - два основных автора, Александр Солженицын и Игорь Шафаревич, бьют по Синявскому, называя его русофобом.

Но так как эмиграция вообще была построена по принципу Вермонтское ЦК (Солж) и Парижский обком (Максимов), то идеи ЦК были мгновенно подхвачены широкими массами эмигрантских трудящихся. Так началась война «патриотов» с «демократами» в эмигрантской прессе.

Под впечатлением первых статей Солженицына Синявский, который тогда сотрудничал с журналом «Континент», написал ему «Открытое письмо». В. Максимов, руководивший журналом, печатать его отказался, сказав, что журнал пока слаб - готовился только второй номер.

- То есть Максимов в какой-то степени зависел от Солженицына?

- В огромной степени. И максимовский «Континент», и газету «Русская мысль», и некоторых других я называла эмигрантскими побирушками, поскольку все они жили за чужой счет. Журнал «Континент», например, финансировался одна американская организация под названием ЦРУ. Максимов считал, что Александр Исаевич в этом ЦРУ пользовался большой популярностью, что к его мнению прислушивались.

- После возвращения Солженицына в Москву триумфа как такового не состоялось - его передачи сняли с эфира, статьи редко где появляются. Почему?

- Я недавно перечитала «Один день Ивана Денисовича» и еще раз поразилась, сколь это блестящее произведение. А рядом с

этой вещью живет нечто литературно беспомощное. И меня удивляло, как Солженицын сам не видит, что он пишет и как он пишет. В какую-то минуту я даже заподозрила, что две лучшие его вещи - «Один день» и «Матренин двор» - были хорошо отредактированы в «Новом мире», где его текстами занималась замечательный редактор Ася Берзер. Может, это ее работа, я не знаю. Но не могу поверить, что «Матренин двор» и «Красное колесо» писала одна рука.

Я думаю, что Александру Синявскому нужен был редактор, а не стоящие перед ним на коленях в молитвенной позе окружавшие его дамы и господа. В нашем доме даже шутили - а не пора ли организовать Общество защиты Солженицына, не пора ли предъявить счет КГБ: «Братьцы, вы прислали нам не того. Отдайте нам настоящего!» Я не знаю, кто прочел все «Красное колесо», - покажите мне этих героев. Когда Синявский выпрашивал у меня последний том этого чертовского колеса, я говорила: «Не дам, не хочу будить в тебе нехристианские чувства, не хочу, чтобы ты читал и злорадствовал по поводу того, что он так плохо пишет».

- Что же, король оказался голым или просто в России устали его ждать?

- Во-первых, не король, во-вторых, не такой уж голый.

Не знаю, в какой момент зародились его мании. Но Солженицын - очень плохой актер, очень плохой математик, очень плохой христианин и очень дурной человек. Для меня одна из «лакмусовых бумажек» - отношение к обстрелу «Белого дома». И то, что он промолвил по поводу расстрела парламента нечто весьма двусмысленное и невразумительное, очень показательно...

Но справедливости ради не могу не отметить и красивый жест - его отказ от ордена Андрея Первозванного имени Бориса Ельцина.

Максим ЧИКИН.
(Наш соб. корр.).

Париж.

ВЗГЛЯД С 6-го ЭТАЖА

сти, возникающие между людьми, ставшими вдруг изгоями на родине, превращались в раны.

Вдумчивый читатель не станет никого осуждать. Он попытается понять. А для понимания нужно знание. Иначе мы запутаемся в мифах и штампах. И перестанем ощущать, что «Архипелаг ГУЛАГ» - это отнюдь не нечто, появившееся чудом из ниоткуда. Это памятник, созданный в реальном мире.